

Андрей ЕФИМОВ

Андрей Ефимов родился в 2001 году в г. Великие Луки, в настоящее время живет в Санкт-Петербурге. Студент технического университета. Публиковался в литературно-художественном журнале «Этажи».

ЗЕЛЕННЫЕ ЯБЛОКИ

Рассказ

Полина вернулась и принесла мне яблоки. Как и обещала. Пять штук, зеленые, крупные, они лежали теперь в полиэтиленовом пакете и прели на жарком июльском солнце. Ее не было два часа.

– В нашем все разобрали, пришлось идти в дальний, – бросила Полина с порога.

Она выскользнула из своих легких балеток и, оставив пакет на столе, тут же пошла в ванную – умыться с жары. Ее лицо, только она вернулась, было разгоряченным, ярким, и заметно счастливым. Я заметил, что макияж на нем слегка растекся, но не подал виду. Теперь, за стенкой, Полина громко и радостно шумела прохладной водой и напевала без слов неизвестную мне веселую песенку, выпуская вместе с ней жар из своего тела. На-на-на, на-на-на...

– Пойду, куплю яблок, – так сказала она два часа назад.

Надела свое короткое летнее платье в мелкий цветочек, распустила блестящие русые волосы, подвела глаза, накрасила губы.

– Ну не в домашнем же идти – стыдно. Да и вообще, всегда надо быть красивой, – оправдалась она тогда, сбрызгивая шею духами.

Повесила на тонкое открытое плечо свою любимую сумочку, игриво хлопавшую по бедру при ходьбе, скользнула ногами в балетки и – ушла. А вернулась только теперь, спустя два часа.

Я медленно растянул полиэтилен пальцами, разорвал пакет и взял себе яблоко: крупное, зеленое, в бледных крапинках. С сожалением повертел его в руке. Воск радостно заблестел на свету, будто бы издеваясь в ответ. Будто есть повод для радости.

Я выпустил из крана шипящую струю воды, сунул под нее руку и тут же отдернул. Пока Полина умывалась в ванной, на кухне шел кипяток. Отряхнул укушенную горячей водой руку, повернул кран до упора вправо и принялся мыть яблоко под тонкой струйкой. Твердая кожура заскрипела под нажимом напряженных пальцев. Я усердно скреб яблоко, а Полина за стенкой все напевала себе под нос свою бесстыдно-веселую песню. На-на-на, на-на-на... Потянулся было за мылом и сам же осекся: так до сих пор и не понял, мыть яблоки стоит с мылом или все-таки без. Ничего-то я и не знаю. Ничего.

Услышал, как Полина выключила воду. Тут же, прорезав спертый воздух квартиры шипением, из крана столбом рванула белая ледяная струя. От холода по рукам замельтешили колючки, и мне вдруг захотелось тоже, как и Полина, радоваться и петь от удовольствия, захотелось, чтобы мои разгоряченные руки, а за ними и весь я, поскорее растаяли в этой холодной воде и стало бы наконец совершенно свежо и легко.

Полина вышла из ванной и легла на диван, привычно закинув босые ноги на его спинку. Я выключил воду, отер яблоко полотенцем, взял из ящика маленький нож и сел рядом с ней, на подлокотник.

Она лежала теперь тихо, полуприкрыв большие глаза, усталая, обмякшая, и только слегка покачивала маленькой босой стопой будто в такт все той же песни. Та-та-та, та-та-та... В этой ее позе платье задралось до самых бедер и оголились мягкие, белые ляжки. Взгляд сам собой заскользил по ее коже и все спускался вдоль ног, пока не наткнулся

удрученно на скомканную ткань платья, преграждавшую ему остаток пути. За эти два часа у нее под коленями появились два бледно-розовых пятнышка, одно чуть больше другого. Да и платье было измято, все в тонких трещинках складок. Я взглянул на ее лицо. В ванной она предусмотрительно смыла макияж, отчего стала только нежнее и милее. Мы встретились взглядами. Полина следила за моими глазами и нежно улыбалась.

– Зашла в парк по дороге?

Я решил сам подсказать ей. Рядом с нашим домом – темный липовый сквер, который мы привыкли называть между собой попросту парком. Туда она и зашла, наверное. Не только же до магазина и обратно она ходила целых два часа.

– Н-даа, – лениво, почти зевком подхватила Полина. – Решила посидеть на лавочке. Жара такая на улице. А там, как всегда, прохладно, хорошо. Так что сидела одна, в тишине. Там еще ветерок такой дует... Вот и задумалась, пока сидела.

Зачем-то заметила, что была одна. А с кем еще тебе быть? Совсем не стараешься.

– И что надумала? – резко зацепился я в попытке неизвестно зачем подставить ей подножку.

Тут же и пожалел об этом. Мне же не нужен ее честный ответ. Иначе для чего было вообще подсказывать? Да и зачем было пускать с самого начала? Вот и не стоит ее теперь подавливать на мелочах.

– Да так, ничего не надумала. Ерунда, – отмахнулась Полина все также лениво, но теперь с недовольством, будто отогнала от себя жирную жужжащую муху. Правильно сделала, не стоит мне лезть.

– Знаешь, – начал я, рассеяно меняя тему. – Может, на следующие выходные за город съездим, в область там? Должно быть хорошо, озеро, сосны. Все равно жара, а там свежо будет, без духоты этой всей.

Полина нежно, по-кошачьи прищурилась и ответила томно, будто потягивалась после долгого дневного сна:

– О-озеро? Да-авай, бу-удет, здо-оро-ово...

Вроде как: «Не волнуйся, на выходных я вся твоя, никуда не пойду. Находилась пока. Вон, яблоки ведь принесла. Так что будем пока с тобой гулять, дышать свежим воздухом, купаться в озере, сидеть под соснами. Все, что захочешь».

После мы молчали. Я вертел в руках яблоко и смотрел, как она бездельно покачивает красивой ступней у самой моей головы. Какие у нее все-таки нежные, маленькие пятки. Я засмотрелся.

– А ты чего не ешь? – спросила Полина заботливо и мило.

Зря ходила, что ли? Да, зря! Не ем, ну и что? Не твое дело! Ты и не лезь! Я ж к тебе не лезу, вот и ты не лезь!

Я с силой сжал рукоятку ножа, поглаживая лезвие подушечкой большого пальца. Помедлил секунду, чтобы стравить вскипевшие вдруг эмоции, и все-таки смог улыбнуться в ответ. Получилось криво и, наверное, жалко. Лицо Полины, круглое и светлое, однако, не изменилось. Она все так же заботливо смотрела на меня и ждала. Ничего не говоря, я срезал кусок яблока ножом и положил себе в рот. Раздавил его зубами и стал жевать. Кислый сок приятно щипнул за язык. Яблоко было твердое, хрустящее и остро пахло свежей травой. Все как я люблю.

– Во-от, – довольно протянула Полина и улыбнулась еще милее прежнего. – Молодец.

Все правильно. Она купила мне яблоки, как и обещала, а это значит, что я теперь должен их есть. А иначе для чего она уходила на целых два часа? Что делала все это время? Правильно, ходила за яблоками. В нашем не было, пришлось идти в дальний. А на обратном пути заглянула в парк и там случайно задумалась, засиделась. Вот и не было ее два часа. Так что теперь тебе следует эти яблоки есть, дорогой. Я принесла, ты теперь ешь. У каждого в этой игре своя роль. Вот я и сидел, переминая зубами кусаче-кислый кусок, и даже получал от этого честное удовольствие.

– Так, пойду я пока, белье разберу, – вдруг сказала Полина, спуская ноги со спинки дивана. Ее острая лодыжка, кажется, случайно коснулась моей ноги. Я с наслаждением проглотил кусок. Она встала и все так же нежно проговорила через плечо:

– А ты давай кушай, вырастешь сильным мальчиком! – и усмехнулась по-доброму своим же словам.

– Полежи еще, – попросил я.

– Не-а, – оборвала она непринужденно. – Белье не ждет.

– И все тебе не сидится, – заметил я, сам до конца не понимая своих слов.

Полина снова усмехнулась, оправила платье и немного косолапой походкой поплелась разбирать высохшее с вечера белье. Зазвучала все та же неизвестная песенка. На-на-на, на-на-на... Я остался сидеть и срезал с яблока новый кусок.

А ведь я не заставлял ее, не просил. Даже и не подумал. Совсем, на самом деле, забыл об этом белье, белых простынях и наволочках, уныло висевших на сушилке в углу все два часа, что я метался по комнате и рылся в собственной голове. Все эти два часа было невыносимо душно, даже с открытыми окнами, хотелось превратиться в пыль, пропасть напрочь, лишь бы не эта жара, не это все. Ходил туда-сюда и угадывал, кто. Кто? Перебирал варианты, не находил себе места. А теперь... Какая теперь разница, кто? Ничего это все равно не значит.

Полина принялась снимать белье с веревки и складывать аккуратной стопкой на табурете. Я отрезал новый кусок яблока. Сейчас она разложит белье, потом, как обычно, вскипятит воду, а пока греется чайник, займется другими домашними мелочами.

– И цветы надо будет полить, – заметила Полина. – А то они у нас с тобой совсем засохнут. Жара вон какая.

Правильно, и цветы потом польет. А после, уже вечером, мы, как обычно, станем болтать с ней о чем-нибудь бездельном и добром, она предложит посмотреть какой-нибудь фильм, ляжет на мое плечо и будет тихо глядеть в экран, поглаживая тонкими пальцами мои волосы, пока мы оба окончательно не потеряемся в полусне. Так же и завтра, и через день, и дальше, и дальше, и дальше. А потом однажды опять уйдет часа на два, может быть, на три, не заботясь о предлоге и скрытности. Или придет, не придумав даже причину, поздней ночью вместо того, чтобы в обычное время вернуться с работы. А я опять не буду лезть, я же сам не хочу.

Мы съехались не так давно, но все это время она честно заботится о нас: она поливает цветы, она заваривает чай, она разбирает белье. Вот и яблоки мне, действительно, принесла, как и обещала. И свое короткое платье не стала теперь переодевать, чтобы и я мог на нее полюбоваться. А не было ее всего-то два часа, и вплоть до следующего такого раза она всегда будет рядом со мной и будет моей. Да, сегодня утром она собралась и ушла. Тогда показалось, что даже нагло, почти демонстративно ушла, но на самом деле это ничего не значит. Можно даже поверить, что всего этого почти что и не было на самом деле. Ведь я и сам не хочу менять ее ни на кого другого из-за каких-то двух несчастных часов. Вот и не лезу, сижу, ем яблоко. На-на-на, на-на-на...

Наконец Полина сложила белье и понесла стопку к шкафу, мягко ступая по полу. Какие у нее все-таки стройные, легкие ножки. Нет, все это нельзя воспринимать как данность. Приходится платить изрядную цену. А не было ее всего-то два часа. Не так и много, по большому счету. Может же она посидеть в парке и подумать о чем-то своем, далеком и прекрасном? Конечно же может. В этом парке растут замечательные темные липы, и теперь, посреди жаркого июля, совсем не хочется уходить из-под их опеки прочь на жестокое солнце. Напротив, тянет остаться и уснуть в их уютной, прохладной тени. А когда все-таки опомнишься и соберешься идти, подошвы вдруг станут приставать к липкому от липовых слез асфальту, как будто сами деревья не хотят и ничто в этом парке не хочет, чтобы ты уходил. Каждый может найти в этом парке одинокую лавочку и, составив ей компанию, замечтаться в тишине и спокойствии ленивого летнего дня. Да,

замечтаться, задуматься, забыться может каждый. Тем более такая замечательная девушка как Полина.

Я очнулся от мыслей. Полина все еще стояла у шкафа и была нечаянно красива от того, что вставала на носочки и тянулась к верхней полке, пытаясь засунуть на нее постельное белье. Только теперь я заметил, что с ее приходом в душевой комнате стало заметно легче и веселее. И какая все-таки веселая у нее песня! На-на-на, на-на-на...

– Полин, – позвал я.

– Чего? – отозвалась она непринужденно.

– Ты у меня тоже молодец.

Полина довольно хихикнула в ответ и засунула наконец белье на верхнюю полку. Я срезал новый кусок яблока и привычно снял его с лезвия ножа языком. Все как я люблю.